

Предисловие «Полки»

Розанов утверждает новый вид литературы — спонтанной, обрывочной, интимной, практически домашней, где истончается граница между автором и читателем. Но, пытаясь преодолеть традиционную литературу, писатель ощущает, как литература преодолевает его самого.

Полина Рыжова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Собрание разрозненных афоризмов, провокационных суждений и интимных признаний, в котором Розанов предстает то набожным семьянином, то бунтарем и богоборцем. За этими масками (или состояниями души) скрывается главная драматическая коллизия «Опавших листьев»: страстная любовь к жизни наталкивается на парализующий страх смерти, своей и близких.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Тексты, составившие «Опавшие листья», Розанов написал в 1912 году. На их содержание и интонацию повлияли события личной жизни писателя: ухудшающееся после паралича здоровье его фактической жены Варвары Бутягиной, смерть ее матери Александры Рудневой, с которой Розанов был очень близок, опасная болезнь приемной дочери Саши. В этот же год Розанов ходит в окружной суд, пытаясь отстоять арестованный тираж «Уединенного» — своей первой книги в исповедально-дневниковом стиле, откровенность которой повлекла за собой обвинения в порнографии и разгромные отзывы критиков.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Розанов создал не только новый жанр, но и новый вид литературы — до него таких книг еще не писали. Фрагменты «Опавших листьев» создавались непреднамеренно, между делом: на прогулке, в гостях, «за набивкой табаку» или поеданием арбуза. Розанов записывал свои рассуждения на обрывках бумаги, оборотах писем, визитных карточках и бросал их в одну кучу, не перечитывая. В книге нет общего замысла, темы или сюжета, она выглядит как дневник, созданный не для печати, а для себя и самых близких: здесь много сокращенных имен, названий, неточных цитат, намеков, непонятных широкой публике. Также здесь нет видимого порядка, системы (а в первом томе «Листьев» отсутствует и базовая хронология), что передает ощущение естественного течения жизни, где прошлое тасуется с настоящим, высокое — с низким, важное — с пустяковым. Зинаида Гиппиус, бывшая соратница писателя по Религиозно-философским собраниям*, так охарактеризовала стиль розановских «миниатюр»: «Это — то, что мы, каждый из нас, если думает, — не записывает, а если и запишет по привычке к перу, то или разорвет, или, сам страшась перечесть, — запрячет подальше, навсегда»¹. При этом розановские записи исключительно музыкальны, художественно точны и обезоруживающе интимны. Андрей Синявский писал, что при

---

*1 Цикл встреч писателей и философов с представителями православного духовенства, организованный в 1901 году. На них обсуждались отношения Церкви с государством, интеллигенцией, взгляды православия на брак, свободу совести. Среди членов-учредителей были Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Дмитрий Философов, Василий Розанов, Александр Бенуа. Закрылись собрания в 1903 году постановлением обер-прокурора Синода Константина Победоносцева.

Точное изображение барышни
Рисунок Василия Розанова.
Из книги Алексея Ремизова «Кукха»

чтении «Опавших листьев» можно почувствовать тепло пальцев автора, «это даже не книга, а часть человека»².

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

«Опавшие листья» печатались в типографии Алексея Суворина (в суворинской газете «Новое время» Розанов к тому моменту проработал 14 лет). Первый том (получивший название «первого короба»

после выхода второй части) вышел весной 1913 года тиражом в 2400 экземпляров, «короб второй и последний» — тиражом в 2450 экземпляров летом 1915 года. Решение опубликовать «Листья» Розанову далось нелегко, он колебался, уже даже сдал рукопись в типографию. Своими сомнениями писатель делился в письме Павлу Флоренскому*¹: «Какой-то инстинкт говорит мне, дорогой П. А., что 2-го “Уедин.” печатать не надо и невозможно. <...> Объективно: можно в такой скандал залезть и таких оплеух наполучать “в наш прозаический век” со “своими интимностями”, что “мое почтение”. Субъективно — весьма легко впасть в литературный онанизм, коим я вряд ли уже не страдаю»³. Изданные книги продавались плохо, почти вся выручка уходила на погашение долгов перед типографией. Примечательно, что издания, по меркам книжного рынка того времени, стоили дорого (2 рубля 50 копеек первый том и 2 рубля второй), на что Розанову неоднократно жаловались читатели.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

На систему образов Розанова и парадоксальный ход его мысли определенно оказали влияние произведения Достоевского, которые сам писатель очень ценил. Некоторые смелые мысли автора «Опавших листьев», в частности о женственной

*¹ Павел Александрович Флоренский (1882–1937) — священник, богослов, философ. Принял сан в 1911 году, в последующие годы написал ряд религиозно-философских работ («Столп и утверждение истины», «Очерки философии культа», «Иконостас»). После революции занимался физикой и математикой, работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1933 году Флоренский был арестован и отправлен по этапу, последние годы вплоть до расстрела провел на Соловках. Василий Розанов называл Флоренского «Паскалем нашего времени».

сущности еврейства, гомосексуальности, сопоставлении полов, пересекаются с идеями австрийского философа Отто Вейнингера*¹ из книги «Пол и характер» (1902). Сам Розанов с книгой был знаком, но влияние Вейнингера на себя отрицал. Алексей Ремизов в качестве возможных претекстов «Листьев» упоминал «Исторические афоризмы» историка и славянофила Михаила Погодина: «...самая мысль о форме “Опавшие листья” Погодинская, так сам Погодин в дневнике записал о происхождении первого тома своих исторических исследований — “груда листков и обрывышков”»⁴. По духу же и языку рукописная литература Розанова напомнила Ремизову сочинения протопопа Аввакума: “Розановский стиль” — это самое “юродство”... идет прямой дорогой от “вяканья” Аввакума из самой глубли русской земли»⁵.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Пресса отозвалась на выход что первого, что второго короба «Опавших листьев»

серией уничижительных статей, стоит пробежаться хотя бы по заголовкам: «Обнаженность под звериною шкурой», «Философ, завязший ногой в своей душе», «Вместо демона — лакей», «Гнилая душа», «Позорная глубина». Общим местом в отзывах на розановские книги стало сравнение писателя с Передоновым из романа Федора Сологуба «Мелкий бес» и Смердяковым из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Небольшую положительную, хотя и осторожную, рецензию на первый короб опубликовал в «Новом времени» первый издатель Розанова Петр Перцов*²: «Удивительная, странно-единственная книга, как странен единственный в своем роде ее автор»⁶. Благожелательные отзывы на розановские сочинения чаще встречаются в частной переписке. К примеру, в письме к Розанову лестно отозвался об «Опавших листьях» литературовед Михаил Гершензон*³: «Вы сами знаете, что книга Ваша — большая книга, что, когда будут перечислять те 8 или 10 русских книг, в которых выразилась самая сущность русского духа, не миновать будет назвать

*¹ Отто Вейнингер (1880–1903) — австрийский философ. Книгу «Пол и характер» Вейнингер написал в 1902 году. В ней он утверждал, что мужское и женское начала напрямую связаны с душой человека и характером целой нации. При этом мужской тип, по его мнению, был положительным, а женский — отрицательным. В возрасте 23 лет Вейнингер застрелился, что добавило его труду скандальной известности.

*² Петр Петрович Перцов (1868–1947) — поэт, литературный критик, издатель. С 1892 года начал сотрудничать с журналом «Русское богатство», печатал стихи в газете «Неделя» и журнале «Северный вестник». Издавал сборники поэтов-символистов, критических работ Мережковского, статей Розанова («Сумерки просвещения», «Религия и культюра», «Литературные очерки»). Был редактором литературно-философского журнала «Новый путь» и литературного приложения газеты «Слово». После революции работал в музейном отделе Наркомпроса, писал мемуары.

*³ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) — литературовед, публицист. Писал рецензии для «Русских ведомостей», «Русской молвы», «Биржевых ведомостей», был редактором литературного отдела «Вестника Европы», «Критического обозрения», «Научного слова». В 1909 году инициировал издание сборника «Вехи» и выступил автором вступительного слова к нему. Наиболее известны литературоведческие работы Гершензона о Пушкине, Тургеневе и Чаадаеве.

“Опавшие листья” вместе с “Уедин.”»⁷. В частном письме, несмотря на натянутые отношения с автором, книгу хвалил Александр Блок: «Сколько там глубокого о печати, о литературе, о писательстве, а главное — о жизни»⁸. Сам Розанов внимательно следил за отзывами на свои сочинения и негодовал, почему никто из рецензентов не подметил главной, по его мнению, заключенной в них удачи: “Уед.” и “Оп. л.” открыли настоящую литературу, единственную с правом на бытие литературу самоотрицающую и вместе с тем через это именно самоутверждающую»⁹.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После смерти Розанова в 1919 году Эрих Голлербах*¹, давний корреспондент Розанова и автор его первой биографии,

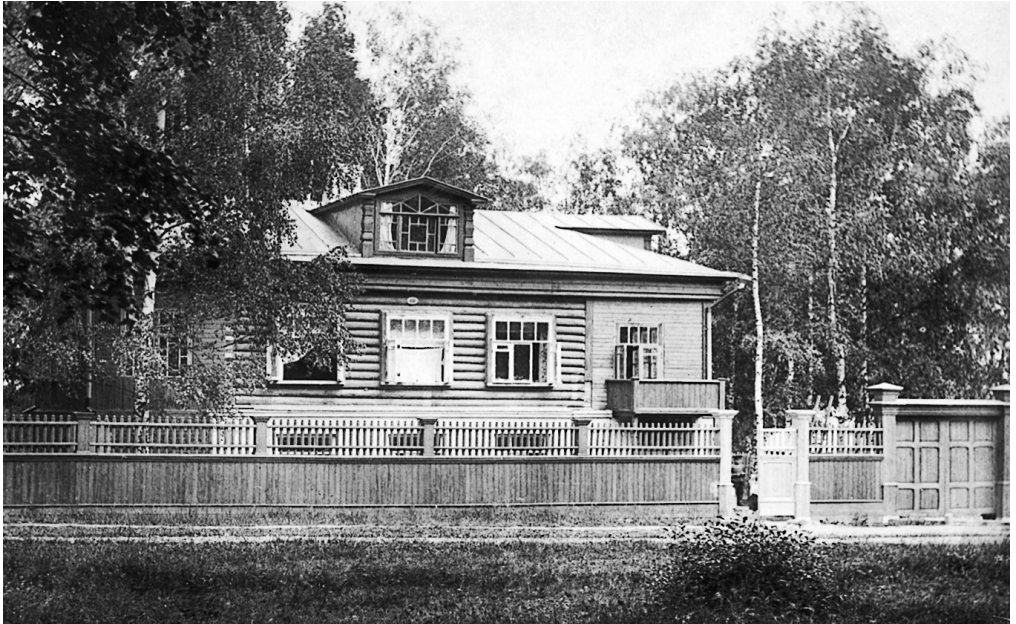
организовал кружок по изучению творчества писателя, куда вошли Андрей Белый, литературные критики Виктор Ховин*², Аким Волынский и Николай Лернер*³. Кружок стал частью петроградской Вольной философской ассоциации, которую власти разогнали уже в 1924 году. Зато интерес к Розанову расцвел в среде русской эмиграции: Ховин, считавший себя «убежденным розановцем», уехал в Париж и переиздал там «Уединенное», воспоминаниями о писателе активно делились Зинаида Гиппиус, Николай Бердяев, Владислав Ходасевич, Алексей Ремизов написал книгу-портрет Розанова под названием «Кукха», а журнал «Версты»*⁴ опубликовал предсмертную розановскую книгу «Апокалипсис нашего времени», воспринятую эмиграцией как пророчество и интонационно повлиявшую на многие тексты русского зарубежья,

*¹ Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) — искусствовед, литературный критик, библиограф. После революции работал в Русском музее, Госиздате, Ленинградском институте книговедения. Писал работы о Розанове, Алексее Толстом, Рерихе, Ахматовой. Исследовал историю гравюры и литографии в России, портретную живопись XVIII века. В 1933 году его арестовали по делу Иванова-Разумника, но вскоре оправдали. Умер Голлербах во время эвакуации из блокадного Ленинграда.

*² Виктор Романович Ховин (1891–1944) — литературный критик и издатель. Ховин был близок к эгофутуристам круга Игоря Северянина: под его началом издавался критический альманах «Очарованный странник», вышел поэтический сборник «Мимозы льна». После революции Ховин выпускает журнал «Книжный угол», где публиковались Юрий Тынянов, Виктор Шкловский, Василий Розанов. Последний становится одним из главных литературных интересов Ховина — он издает книги Розанова и основывает кружок по изучению его творчества. В 1924 году критик эмигрировал, во Франции основал собственное издательство. Во время войны Ховина депортировали в Освенцим, где он погиб.

*³ Николай Осипович Лернер (1877–1934) — литературовед. Печатался в «Русском архиве», «Русской старине», «Современнике», «Вестнике Европы», «Биржевых ведомостях». Автор работ об Александре Пушкине, за книгу «Труды и дни Пушкина» получил премию Пушкинского лицейского общества. В 1931 году его арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации и скупке музейных ценностей, но оправдали.

*⁴ Журнал русского зарубежья, издававшийся в 1926 по 1928 год в Париже. Его название отсылает к одноименному сборнику Марины Цветаевой. В редакцию входили Дмитрий Святополк-Мирский, Петр Сувчинский, Сергей Эфрон. В журнале публиковались «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» с примечаниями Алексея Ремизова, стихи Марины Цветаевой, рассказы Исаака Бабеля, статьи философа Льва Шестова. Всего вышло три номера журнала.

Дом священника Андрея Беляева в Сергиевом Посаде, где жил Розанов с 1917 по 1919 год

в частности на «Распад атома» Георгия Иванова.

В позднем СССР чтение Розанова стало знаком принадлежности к неофициальной культуре: в 1973 году Венедикт Ерофеев опубликовал в православном самиздатском журнале «Вече»^{*1} эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», в котором розановские сочинения спасают лирического героя Ерофеева от самоубийства. В 1982 году, уже в Париже, Андрей Синявский выпустил отдельную книгу об «Опавших листьях», где показал, что Розанов оставил миру не систему мыслей, а уникальный образ мышления, «самый процесс мысли». Пытаясь воссоздать

этот процесс, писатель Дмитрий Галковский в начале 1990-х создал «Бесконечный тупик» — масштабный гипертекст, состоящий из разрозненных окололитературных эссе. Тысячестраничная книга Галковского выросла из небольшой статьи о Розанове под названием «Закругленный мир».

Из сегодняшнего дня «рукописная литература» Розанова кажется своеобразным провозвестником стилистики социальных сетей: и в содержании, нарочито интимном, разношерстном, и в форме — в розановских «листочках» есть даже прототипы современных «статусов», в которых уточняется, где, когда и в каком состоянии духа сделана та или иная запись.

^{*1} Самиздатский журнал, издававшийся в СССР с 1971 по 1974 год. Его основателем и главным редактором был историк Владимир Осипов. Позиционировался как «русский неподцензурный машинописный православный патриотический журнал». Несколько номеров «Вече» было переиздано за границей издательством «Посев».

ЧТО ОРИГИНАЛЬНОГО СДЕЛАЛ
В ЛИТЕРАТУРЕ РОЗАНОВ?
ЧЕМ ЭТИ «ЛИСТЬЯ»
ОТЛИЧАЮТСЯ
ОТ ОБЫЧНОГО ДНЕВНИКА?

«Листья» или «листки» — спонтанные лирико-философские записи, передающие мимолетное состояние души. Сам Розанов настаивал на уникальности найденной им литературной формы: «Это нисколько не “Дневник”, и не “Мемуары”, и не “раскаянное признание”: именно и именно только “листья”, “опавшие”, “было” и “нет более”, “жило” и стало “отжившим”»¹⁰. Первой книгой в этом жанре стало «Уединенное», вышедшее в 1912 году, но нащупывать жанр Розанов начал гораздо раньше: в 1890-х он печатал в периодике миниатюры, обозначенные им как «эмбрионы»; в частности, самый известный афоризм Розанова про варенье и чай («Что делать? — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай») относится именно к «эмбрионам», напечатанным в 1899 году в сборнике статей «Религия и культура». Признавая сходство между «эмбрионами» и «листьями», Розанов все же проводит принципиальную границу между двумя жанрами: первые обращены к читателю, а вторые существуют, этого читателя как бы не замечая.

Важно, что до открытия новой литературной формы, в которой он будет работать до конца жизни, Розанов никогда не писал собственно художественных книг — только публицистику, эссеистику и философские трактаты. Андрей Синявский сопроводил этот факт любопытным

сравнением: «Ведь это все равно, как если бы, допустим, Гегель, под старость, перешел на стихи. Причем именно стихи оказались бы наилучшей, исчерпывающей формой его философской работы»¹¹.

Большое значение в жанре «листочков» имеет их необычное внешнее оформление. Миниатюра обычно заканчивается заключенной в скобки пометкой о том, когда, в каких условиях и на чем она писалась, при этом текст и примечание к нему нередко входят в комическое противоречие. К примеру, возвышенный и сентиментальный пассаж о любви («Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь») Розанов обрывает сообщением, что текст был записан «в ват...», то есть в ватерклозете. Смысл подобных контрастов автор объяснял в издательском послесловии первого короба «Опавших листьев»: с точностью указывая везде «место и обстановку пришедших мыслей», он хотел показать, что сознание человека нередко находится в разрыве с ощущениями.

Для «листочков» характерно большое количество сокращений: где-то это сделано для удобства и скорости письма (например, «Уед.» — «Уединенное»), где-то в силу нежелания Розанова прямо оскорбить упоминаемых им людей («о поэте Б-те» — Константине Бальмонте), где-то условное сокращение обозначает сакральное для писателя понятие, которое ему не хочется лишний раз называть («Б.» — Бог; крестик вместо «смерти»). Вообще «листки» пестрят подчеркиваниями, курсивом, жирными начертаниями, кавычками, скобками, значками — все это создает у читателя ощущение рукописного, «домашнего» текста. Эрих Голлербах

видел в графическом оформлении розановских книг принципиальное значение: «В его писаниях много чисто “литературного” в буквальном смысле слова “littera”: их нужно воспринимать непременно зрительно, со всеми сносками, примечаниями, скобками, кавычками и пр. Одного слухового восприятия было бы недостаточно. Будучи прочитаны “ex-cathedra”^{*1}, писания Розанова много проиграли бы в своей выразительности»¹².

На создание эффекта рукописности работают и семейные фотографии, напечатанные в первом издании обоих коробов «Опавших листьев»: на них изображены жена писателя, дети, теща (при этом нет ни одного портрета самого Розанова). Виктор Шкловский обращал внимание на интересную деталь: некоторые из снимков напечатаны в книге без подписи и отступа от края листа, от этого кажется, что перед нами настоящие фотографии, вложенные в книгу.

ЧЕМ «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ОСТАЛЬНОЙ «РОЗАНОВСКОЙ ЛИСТВЫ»?

Двухтомник «Опавших листьев» — наиболее полная книга Розанова, позволяющая

узнать мнение автора по самому широкому кругу вопросов: от литературы и политики до цен в аптеках и привлекательности женской груди. В отличие от камерного дебютного «Уединенного», где само название предполагает концентрацию на личных ощущениях, «Листья» больше обращены к миру. Эта книга бескомпромисснее (Павел Флоренский жаловался, что в ней преобладает ругательный тон) и откровеннее. Розанов, несколько не смущенный обвинением в порнографии после издания «Уединенного» («Запретили¹³ за «е... м<ать>» и «ж<опу>», микву^{*2} и попа с фаллом in statu erectionis in temple»^{*3}), в последовавших за ним «Опавших листьях» только обостряет скандальные рассуждения на тему пола — выводит математические формулы «возраста совокупления», рассуждает о феномене многожества у крестьянок и предлагает легализовать проституцию.

После 1912 года Розанов продолжил работать в жанре «листочков», создав сборники «Сахарна», «Мимолетное», «Последние листья», «Апокалипсис нашего времени», но именно «Опавшие листья» стали его каноническим текстом. Философ и историк Георгий Федотов^{*4} считал эту книгу самой зрелой из всех розановских сочинений: здесь «в предчувствии

^{*1} С кафедры (*лат.*). В католичестве означает официальную позицию папы по вопросам веры и нравственности. В переносном смысле — нравоучительный тон.

^{*2} В иудейской традиции — водный резервуар для омовения. Миквой пользуются после «осквернения тела» — прикосновения к мертвецу или мертвым животным, семязвержения, менструации, заражения проказой или гонореей.

^{*3} В состоянии эрекции в храме (*лат.*) правильно — «in templo».

^{*4} Георгий Петрович Федотов (1886–1951) — историк, философ, публицист. В 1905 году был арестован за участие в социал-демократическом кружке и выслан в Германию. После возвращения в Россию преподавал историю Средних веков в Петербургском университете. В 1925-м получил разрешение посетить Германию для исторических исследований и в Россию не вернулся. С 1926 по 1940 год был профессором Свято-Сергиевского православного богословского института

Редакция газеты «Новое время». 1916 год. Василий Розанов шестой слева в последнем ряду

гибели, но все еще оторчески влюбленный в жизнь, в мельчайшие ее явления, Розанов достигает предельной, метафизической зоркости».

**РОЗАНОВ НАЗЫВАЛ
БЕЗДЕТНУЮ ЖЕНЩИНУ
ГРЕШНИЦЕЙ.
ОН ПРОПОВЕДОВАЛ ИДЕАЛЫ
ДОМОСТРОЯ?**

Разве что домостроя особенного, розановского. На страницах «Опавших листьев» можно часто встретить рассуждения о предназначении женщин, которые выглядят дремучими даже для начала XX века: «Девушки... вы посланы в мир животом, а не головой», «Судьба девушки без детей — ужасна, дымна, прогоркла».

Но эти суждения, как и все другие розановские провокации, не стоит воспринимать в отрыве от контекста его философии. Говоря о важности материнства, Розанов не пытался указать женщинам на их место, он был заморожен самой магией деторождения и женщинами как существами, этой магией владеющими. При всей наружной консервативности в некоторых аспектах «женского вопроса» Розанов выступал даже с революционными идеями: например, в тех же «Опавших листьях» предлагал установить возраст, по истечении которого незамужняя девушка имеет право заниматься сексом и заводить ребенка, не боясь общественного порицания («Как вы убедите девушку, что ей “не дозволено” и она не может иметь детей, не “дождавшись” мужа, когда она “его ждала” до 25, до 30, до 35 лет: и, наконец,

---

в Париже. Редактировал эмигрантский общественно-философский журнал «Новый град». В годы немецкой оккупации переехал в США.

до каких же пор “дождаться” — до прекращения месячных, когда рождение уже невозможно???)»).

В розановской философской системе иметь детей положено всем, разве что кроме «людей лунного света», особенной категории людей, не чувствующих влечения к противоположному полу. Розанов одним из первых в России заговорил о метафизике гомосексуальности. Полагая, что мужчина и женщина находят свое продолжение друг в друге, он видел в гомосексуалах личностей, изначально обладающих внутренней целостностью, и именно этим объяснял их ярко выраженную талантливость: «Оттого происходит даровитость их, что у них семя полностью всасывается в кровь и оталантливает ее, сообщает ей пылание, и через нее — мозгу. Такие люди суть “окрыленные”»¹⁴.

Розанов, рассуждая о сексе в недопустимых для его времени подробностях, ставил себе целью не шокировать обывателя (ну разве только чуть-чуть, из литературного хулиганства), а показать, что в половой жизни нет ничего априорно дурного и предосудительного. Зинаида Гиппиус писала, что Розанов так боролся с «общим убеждением, в кровь и плоть вошедшим, что “пол — грязь”»¹⁵. В его сочинениях утверждалось совсем другое сопоставление — «пол — Бог», Розанов раскрывал божественную природу сексуальности, которую он соотносил с философией Ветхого Завета («плодитесь и размножайтесь»), иудаизма и других древних религий. Несмотря на стройность и разработанную систему аргументов, современники воспринимали розановскую «теорию пола» скептически, считая, что автор ее — просто-напросто эротоман.

Однако в философии Розанова сам секс не так существенен, он важен как основание семьи. Именно в семье автор «Опавших листьев» видел идеал существования и главную ценность человеческой жизни, которая способна исправить греховную природу человека. Увы, семья самого писателя еще при его жизни практически распалась, и никто из его детей не имел потомства: первая дочь Надя умерла в младенчестве, сын Василий умер от гриппа, дочь Вера после смерти отца повесилась, Варя скончалась в лагерной больнице, старшая Надя умерла в 55 лет. До глубокой старости дожила только любимая дочь Розанова Татьяна, оставившая об отце много ценных воспоминаний: «Ему больше всего хотелось, чтобы у нас были патриархальные семьи и много детей. Бедный папочка, самое главное его желание не исполнилось...»¹⁶

О КАКОМ «ДРУГЕ» В «ОПАВШИХ ЛИСТЬЯХ» ПОСТОЯННО ИДЕТ РЕЧЬ?

Розанов имеет в виду свою фактическую жену Варвару Бутягину, урожденную Рудневу. Он познакомился с ней в конце 1880-х годов в Ельце, где в то время служил учителем географии и истории в мужской гимназии. Бутягина была 21-летней вдовой священника с маленькой дочерью на руках. Розанов не раз отмечал, что чувства к молодой вдове возникли во многом из-за ее рассказов о любви к первому мужу: «Я влюбился в эту любовь ее и в память к человеку, очень несчастному (болезнь, слепота), и с которым (бедность и болезнь) очень страдала»¹⁷. В 1891 году

пара обвенчалась, но тайно — без свидетелей и записей в церковной книге, под условием немедленно покинуть Елец. Секретность объяснялась тем, что Розанов к тому времени уже был женат.

Будучи еще студентом, он женился на сорокалетней писательнице Аполлинии Сусловой, бывшей любовнице Достоевского. Брак с ней оказался сущим мучением для Розанова, литературовед и богослов Сергей Дурьлин так вспоминал об их семейной жизни: «Несмотря на “романтику”, на “Достоевского”, он-то искал брака не по психологии, а по онтологии, а сам оказался в плену у брака по психопатологии». Сулова сама бросила мужа, но не соглашалась на развод на протяжении двадцати лет, из-за чего дети от брака с Бутягиной долгое время не могли получить фамилию отца, а сам писатель, если бы открылась правда о тайном венчании, мог бы отправиться в ссылку из-за двоеженства. Вероятно опасаясь именно такого исхода, Розанов в своих «листочках» называет Бутягину не женой, а «другом» или «мамочкой».

Писатель придавал отношениям с ней огромное значение, считал, что обязан ей духовным перерождением и появлением самых важных тем в своем творчестве. Значительная часть «Опавших листьев» занята признаниями «другу» в вечной любви и опасениями за его здоровье. В 1910 году из-за запущенного сифилиса у Бутягиной произошел паралич, левая часть тела потеряла чувствительность и способность двигаться (от прогрессивного паралича, вызванного сифилисом, умер и первый муж Бутягиной¹⁸). В том, что долгое время болезнь не могли правильно диагностировать и шанс на выздоровление

был упущен, Розанов винил лично себя: «И вот эта мука: друг гибнет на моих глазах и, в сущности, по моей вине. Мне дано видеть каждый час ее страдания, и этих часов уже три года. И когда “совесть” отойдет от меня: оставшись без “совести”, я увижу всю пучину черноты, в которой жил и в которую собственно шел».

Жгучее ощущение вины, вероятно, объясняется не только выбором неправильных врачей для жены: писатель изменял Бутягиной. В письмах Флоренскому Розанов часто рассуждал о своих телесных (бисексуальных) «опытах», при этом он то отстаивал их необходимость, потому что они помогали ему в обосновании «теории пола», то сильно их стыдился. В письме от 17 января 1916 года писатель так объяснял свое отношение к изменам: «Я — расплывчатый, “вата”, “все лезет”, “говно”, но параллельно же растягиваюсь на весь мир и “везде меня хватает”, и на Варю (мою и до известной степени “единственную”, solo), и на Валю, и проч. <...> В “вату” меня Бог и устроил для понимания этой единственной в мире психологии, где “верность” и “неверность” так переплетаются, что не противоречат друг другу»¹⁹.

В «Опавших листьях» образ умирающего «друга» — главная антитеза лирического героя Розанова, воплощенный немой укор ему. О самом близком и любимом человеке здесь не говорится практически ничего характерного и определенного (если не принимать во внимание медицинские сводки о здоровье), для читателя Бутягина предстает не живой женщиной, а именно «совестью», чье скорое исчезновение из жизни автора и образует главную сюжетную нить книги.

В реальности Варвара Бутягина умерла только в 1923 году, пережив Василия Розанова на четыре года.

ЭТО ПРАВДА, ЧТО РОЗАНОВ БЫЛ ЯРЫМ АНТИСЕМИТОМ И ОПРАВДЫВАЛ ПОГРОМЫ?

Было и такое. При этом он умудрялся быть анти- и филосемитом одновременно.

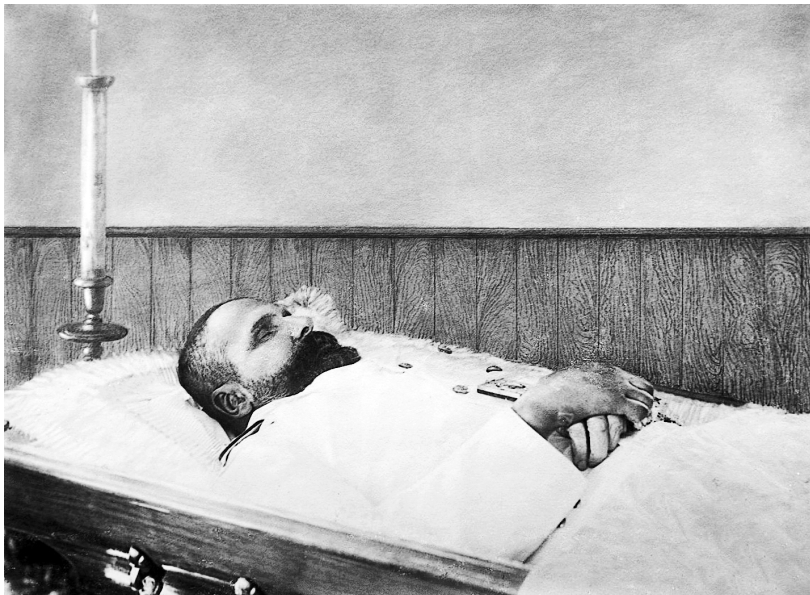
Розанов увлекся еврейским вопросом еще во второй половине 1890-х, особенностям иудейского быта, устройства семьи, культовых обрядов он посвятил целый ряд статей и книг. В сборнике «В темных религиозных лучах» (1909), пожалуй своей самой антихристианской книге, писатель вывел, что «еврей есть душа человечества, его энтелехия*¹». Именно в иудаизме Розанов видел отражение своей «теории пола» и признавался, что любит евреев «физиологически» и «художественно»²⁰. Но со временем тон рассуждений начал меняться: писателя все больше беспокоило возрастающее участие евреев в общественной жизни, поворотным событием для него стало убийство в 1911 году Петра Столыпина евреем-анархистом Богровым. В письме Михаилу Гершензону Розанов писал: «Это — простите — нахальство натиска, это “по щеке” всем русским — убило во мне все к ним, всякое сочувствие, жалость»²¹. Антисемитский пафос хорошо чувствуется в «Опавших листьях», самой христианской книге Розанова, — здесь и о России, «обглоданной

евреями», и о «липкости еврейских пальцев», о «захватанной» евреями литературе. Признавая еврейские погромы «грехом», Розанов все же пытался найти им оправдание: «Погром — это конвульсия в ответ на муку. Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут, — и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножка мухи захвачена в петельку. И паук это знает. Крики на погромы — риторическая фигура страдания того, кто господин положения». При этом юдофобские выпады в «Опавших листьях» настолько страстные, что чаще всего напоминают изощренные признания в любви: «Вопрос “об евреях” бесконечен: о нем можно говорить и написать больше, чем об Удельно-вечером периоде русской истории. Какие “да!” и “нет!”»

В сентябре 1913 года в Киеве начался громкий судебный процесс над евреем Менделем Бейлисом, обвиненным в ритуальном убийстве двенадцатилетнего русского мальчика. Розанов выступал в печати сторонником кровавого навета*², из-за чего от него отвернулось большинство друзей и недавних единомышленников, а Религиозно-философское общество в Петербурге исключило его из числа своих участников. В это время Розанов написал свою самую скандальную антисемитскую книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», в которой рассуждал о значении крови в иудейских ритуалах. Критик Петр Губер отмечал, что политические цели в «деле Бейлиса» Розанов вряд ли преследовал: «Он полагал, что

*¹ Согласно философии Аристотеля, внутренняя сила, заключающая в себе и цель, и конечный результат.

*² Обвинение евреев в убийстве христиан для использования их крови в ритуальных целях.

Петр Столыпин в гробу. 1911 год. Убийство Столыпина стало для Розанова поворотным моментом в его отношении к «еврейскому вопросу»

ритуальные убийства действительно существуют в тайниках какой-то мистической еврейской секты. Или, точнее говоря, ему хотелось, чтобы они существовали. Но хотелось не для того, чтобы оправдать угнетение евреев, а потому, что самый факт ритуальных убийств нравился ему. Он был убежден, что это хорошо, что, пожалуй, это даже угодно Богу». По мнению литературоведа Михаила Эдельштейна, осуждения ритуальных убийств у Розанова действительно нет: неслучайно все три понятия в названии скандальной работы («обоняние», «осязание», «кровь») обладают в его философской системе позитивным значением. Писателя скорее раздражало, что евреи, как ему открылось после «дела Бейлиса», сумели сохранить «тайну крови», «Б-гоизбранности», над разгадкой которой он так долго бился.

Характерно, что после революции Розанов отказался от всех антисемитских статей и высказываний, написал евреям открытое письмо с извинениями и объявил, что «перешел в еврейство». Такую метаморфозу часто связывают с необходимостью писателя адаптироваться к новому политическому режиму и страхом за свою жизнь, но страх у Розанова наполнен метафизикой и провиденциальным смыслом: «...Я убедился, что жив бог Израилев, — жив и наказует, и убоялся»²².

О ЧЕМ РОЗАНОВ СПОРИЛ С ЦЕРКОВЬЮ?

Писателя не устраивало отношение Церкви к браку и семейной жизни. Poleмика с ней произрастала из личной обиды:

именно из-за церковного догматизма Розанов не мог развестись с Аполлинарией Сусловой и официально обвенчаться со своей второй женой Варварой Бутягиной. До революции развод получить было очень сложно, он допускался лишь на нескольких основаниях: доказанный факт измены (с показаниями двух или трех свидетелей!), добрачная болезнь, мешающая выполнению супружеских обязанностей, безвестное отсутствие супруга на протяжении пяти лет или лишение супруга прав состояния за тяжкое преступление. Корень такой строгости можно найти в словах Иисуса Христа о разводах:

Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует.

Розанов считал этот отрывок из Евангелия (Мф. 19:8-9) доказательством злых намерений Мессии: «Развод дан и существует, очевидно, для не ожесточения нравов. Попробуйте с неприятным человеком жить в одной комнате: и его... в силу невольного сожительства, — Вы возненавидите... <...> ...Запрещением развода Иисус ввел ожесточение мужей на жен, жен на мужей, и как Бог или (по-моему) Темный ангел, знающий будущее, — не мог этого не знать, знал!»²³

Вопрос о расторжении брака, впрочем, был лишь спусковым крючком для розановского христорборчества: писателю не нравился сам дух Нового Завета, утвердивший вместо семьи воздержание, а вместо жизни — смерть. В Ветхом же Завете Розанов, напротив, видел связь Бога с полом, а значит, и с сакральной сердцевиной жизни человека. По мнению Розанова, самая насущная задача Церкви и всего христианства состояла в том, чтобы вновь «оцеломудрить» пол, вернуть святость семье и браку. Вполне практическое решение этой задачи предлагается в «Опавших листьях»: супруги после венчания, по мысли Розанова, должны жить в храме или при храме до появления первых признаков беременности, то есть зачинать детей непосредственно в лоне Церкви. Андрей Синявский сравнивал эту дерзкую розановскую идею с не менее эксцентричным учением философа Николая Федорова*¹, проповедовавшего идею воскрешения из мертвых: «И федоровская утопия, и утопия Розанова — это как бы возврат к какому-то родовому строю, к утраченному раю на земле. Но у Федорова — через отрицание пола и деторождения, которое будет замещено воскрешением умерших. А у Розанова — через восстановление пола, брака и семьи в их первоначальной религиозной значимости»²⁴.

Важно, что именно в «Опавших листьях», как ни в каких других своих книгах, писатель отчаянно пытался примириться с Церковью и Христом. Причина

---

*¹ По Федорову, главная задача человечества — подчинить себе природу ради победы над смертью, ради воскрешения всех усопших, причем не в метафорическом смысле, а в самом прямом. Чтобы добиться этого, людям необходимо преодолеть рознь и объединить веру с наукой.

опять же кроется в обстоятельствах его личной жизни: тяжелая болезнь жены и страх ее скорой кончины заставили Розанова искать утешения в христианстве. Чем четче на горизонте вырисовывалась смерть, тем легче ему было принять Христа — ведь именно он, а не ветхозаветный Бог смог дать человеку надежду на спасение. В дальнейшем писатель еще не раз восставал против Церкви, но перед собственной смертью, по свидетельствам очевидцев, ощутил себя человеком истово верующим и превратил последние дни жизни в «сплошную осанну Христу»²⁵. Примечательно, что похоронили Розанова при содействии священника Павла Флоренского на монастырском кладбище, в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

ПОЧЕМУ РОЗАНОВ ПОДДЕРЖИВАЛ ТО РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ТО ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ?

Писатель определенно тяготел к правой печати, большую часть своей карьеры он проработал в газете Алексея Суворина «Новое время» — издание имело репутацию реакционного, а слово «новове-ременец» в журналистских кругах означало человека беспринципного и даже аморального (одна из многочисленных ругательных рецензий на «Уединенное»

и «Опавшие листья» так и называлась — «Обнаженный новове-ременец»). При этом Розанов подвигался писать и для либерального «Русского слова» издателя Ивана Сытина*¹. В общей сложности он сотрудничал с 68 газетами и журналами, не обращая особого внимания на то, кто их издает и какова их политическая направленность. Неудивительно, что современники обвиняли его в идейной неразборчивости и двурушничестве. «Писатель, совершенно лишенный признаков нравственной личности, морального единства и его выражения, стыда», — так отрекомендовал Розанова Петр Струве²⁶.

Розанов не стеснялся признавать, что публикуется везде, в первую очередь чтобы содержать большую семью (жена, пятеро детей, падчерица), но на свою «беспринципность» смотрел по-философски: «Я писал однодневные “черные” статьи с “эс-эрними”. И в обеих был убежден. Разве нет $\frac{1}{100}$ истины в революции? и $\frac{1}{100}$ истины в черносотенстве?» В «Опавших листьях» Розанов объяснял, что с политиками спорить бесполезно, напротив, нужно со всеми ними согласиться и тем самым уничтожить саму политику. Видя, как накануне революции страну раздирают противоречия, он предпочитал воевать не с какими-то конкретными идеологиями, а с идеями вообще. Парадоксально, что именно эта идеологическая неразбериха, призванная, по мысли Розанова, закончить с политической враждой, сама

---

*¹ Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934) — издатель. В 1876 году основал литографию для издания лубочных картин, в 1883 году — книжную лавку и книгоиздательское товарищество «И. д. Сытин и К°». Совместно со Львом Толстым организовал издательство «Посредник», в котором в целях народного просвещения печатались недорогие книги, в том числе сочинения Лескова, Гаршина, Короленко. С 1897 по 1917 год Сытин издавал газету «Русское слово». Также издавал популярные лубочные картины, календари, буквари, энциклопедии.

по себе обладала эффектом подложенной под страну бомбы. Философ Георгий Федотов писал, что «думая о Розанове, невольно вспоминаешь распад атома, освобождающий огромное количество энергии. От “Понимания” к “Опавшим листьям”»: не случайно, что вершины своего гения Розанов достигает в максимальной разорванности, распаде “умного” сознания. Розанов одновременно и рождается сам в смерти старой России, и могущественно ускоряет ее гибель. Иной раз кажется, что одного “Уединенного” было бы достаточно, чтобы взорвать Россию».

ПОЧЕМУ РОЗАНОВ ТАК
НЕНАВИДЕЛ ЛИТЕРАТУРУ,
КОТОРОЙ САМ ЖЕ
И ЗАНИМАЛСЯ?

Ему казалось, что литература чересчур самодовольна и лицемерна, что она «прищемила у человека самолюбие». Розанов, мучимый синдромом информационной усталости еще за сто лет до интернета, писал, что хотел бы закрыть все газеты и журналы, избавить мир от журналистов и писателей, уничтожить сам станок Гутенберга, считая, что печать подобна алкоголизму: «Печатная водка. Проклятая водка. Пришло сто гадов и нагадили у меня в мозгу». При этом сам писатель публиковался так активно, что современники упрекали его в «многопечатании». Из статьи Петра Перцова: «Бедняга Василий Васильевич, кажется, согласен был бы печатать свои “Мысли о браке” хотя в “Тургайских Областных Ведомостях” или хоть в пресподней, даже в какой-нибудь тамошней “Адской почте”, только бы печатать»²⁷.

Открытие жанра «опавших листьев» для Розанова оказалось способом воссоздать тон догугтенберговских рукописей, вернуть книге потерянную интимность, задушевность и выйти за пределы ненавистной ему печати. Свое писательство он всячески пытался очистить от интеллектуального бахвальства, сравнивая его то с физиологией («инстинкт выговаривания»), то с предметами обихода («халат, штаны»). В «Опавших листьях» Розанову кажется, что он преодолевает литературу, что сама сущность литературы в его сочинениях «разлагается». Но пытаясь разрушить рамки литературы, он в то же время понимал, что литература разрушает рамки его самого: «...Я и думаю, что вообще не рождалось еще человека, у которого сполна все его лицо перешло бы в “литературу”, сполна все бытие улеглось бы в “литературу”. Читатель видит, до чего это не есть “качество”, а просто “есть”»²⁸.

Розанов чувствовал отвращение не просто к литературе, а к литературности собственной жизни. Андрей Синявский по этому поводу справедливо замечал, что Розановым «владело чувство “конца” литературы, к которому он подошел. Иногда он радовался этому обстоятельству, а иногда ужасался. Ужасался тому, что этот “конец” литературы был не разрывом с ней, а ее проникновением в такие сферы человеческого бытия и сознания, которые доселе не подлежали литературному осмыслению»²⁹. Одним из доказательств такого пугающего проникновения служат надиктованные дочерям предсмертные тексты писателя, в которых он подробно рассказывал о состояниях умирания. Розанов, при всем отталкивании от литературы, был писателем

до самого конца, то есть делал предметом литературы не только всю свою жизнь, но даже собственную смерть.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ХОТЬ ОДНА ТЕМА, В КОТОРОЙ РОЗАНОВ НЕ ПРОТИВОРЕЧИЛ САМ СЕБЕ?

Вряд ли. Розанов мыслил противоречиями и парадоксами. Он постоянно менял точку зрения на предмет, сбивая с толку окружающих, и нисколько этого не стеснялся. Андрей Синявский сравнивал розановское мышление с деревом, ветви которого одновременно растут в разные стороны³⁰.

«Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали» — этот один из самых известных розановских афоризмов из «Уединенного» заставил современников сравнивать Розанова с Фридрихом Ницше, очень популярным в России в начале XX века. Как и Розанов, Ницше критиковал христианство, противопоставляя ему дионисийство с его кульгом телесности и чувственности, громил устоявшуюся мораль, провоцировал, также писал философские трактаты в жанре афоризмов. Однако идея сверхличности и ее безграничной свободы была чужда и даже враждебна Розанову — напротив, символом всей его философской мысли может служить обыкновенный, лишенный какого-либо величия человек. Как писал он в «Опавших листьях», «всем великим людям я бы откусил голову. И для

меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся. Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа)».

Зачастую страдая от противоречивости своей природы («душа моя какая-то путаница»), писатель именно в ней видел первопричину своих интеллектуальных и духовных открытий. Из розановской статьи «Загадки русской провокации»: «Разница между “честной прямой линией” и лукавыми “кривыми”, как эллипсис и парабола, состоит в том, что по первой летают вороны, а по вторым движутся все небесные светила»³¹.

Дмитрий Галковский писал, что эти «кривые» и создают уникальное непознаваемое пространство розановской прозы, из-за чего каждый из толкователей его творчества вынужден впадать в одну из двух крайностей: либо отстраняться от писателя, сосредотачиваясь на формальностях, либо растворяться в нем без следа³². Розановская литература, на первый взгляд, исключительно эгоцентрична и создавалась вроде бы не для читателя, но вместе с тем именно читатель является ее главным действующим лицом. Галковский сравнивал литературу Розанова с гусеницей, «прогрызающей словесную перегородку между читателем и писателем», но если воспользоваться системой образов самого автора «Опавших листьев», она скорее оплодотворяет «розановщиной» окружающий мир.

Опавшие листья

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru